

СУБЪЕКТИВНАЯ СЕМАНТИКА ЛЕКСЕМЫ «ВИНА» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ МОЛОДОГО НОСИТЕЛЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

С. Р. Комнатная

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск

Введение. Производится реконструкция субъективной семантики лексемы «вина» по результатам ассоциативных экспериментов с молодыми носителями русского языка.

Цель – выяснить, какие компоненты смыслов связаны с лексемой «вина» в языковом сознании современно-молодого человека и какие из этих компонентов являются преобладающими.

Материал и методы. Для достижения поставленной цели среди студентов омских вузов были проведены свободные ассоциативные эксперименты. Результаты этих экспериментов были сопоставлены с данными Русского ассоциативного словаря, что позволило проследить изменения в языковом сознании молодых носителей языка за последние несколько десятилетий в динамике.

Результаты и обсуждение. В толковых словарях понятие «вина» определяется исключительно как факт проступка, преступления или же причина чего-то неблагоприятного. Однако анализ ассоциативных полей, полученных в результате свободных ассоциативных экспериментов, свидетельствует о расхождении лексикографического толкования вины с тем комплексом значений, который отражен в языковом сознании молодого носителя русского языка. Гораздо более значимым для реципиентов является психологический аспект исследуемой семантической области: вину они определяют в первую очередь как чувство индивида, напрямую связанное с его совестью и вызывающее целый комплекс негативных эмоций. Кроме того, вина связывается со сферой социально-нормативных отношений, то есть той сферой, которая регулируется законом или иными правовыми нормами.

Заключение. По сравнению с 1980–1990 гг. произошли существенные изменения в языковом сознании молодых носителей русского языка. Возросло число реакций на стимул «вина», отражающих связь с областью права, что может говорить о повышении уровня правовой грамотности. Однако наиболее значимыми для реципиентов стали эмоционально-чувственная характеристика вины, а также контексты, в которые входит данная смысловая область, как в отношениях между людьми, так и в морально-нравственной самооценке личности.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, социально-нормативные отношения, вина.

Введение

Актуальность исследования обусловлена психолингвистическими и социальными факторами. Ученые-социологи и политологи сходятся во мнении о том, что за последние десятилетия общественная, политическая, экономическая жизнь в нашей стране претерпела существенные изменения. Главным катализатором для них послужил распад СССР, но немаловажными являются и другие значимые процессы. Можно предположить, что эти изменения нашли отражение и в языковом сознании носителя русского языка.

Современные лингвисты все чаще говорят о необходимости изучения и анализа общечеловеческих ценностей. Так, Е. Ф. Тарасов подчеркивает: «Анализ вербального овнешнения образов сознания, отображающих по-разному феномены культуры и социума, дает возможность усмотреть специфику использования языковых средств в культуре и социуме» [1, с. 9].

В данной статье анализируется субъективная семантика лексемы «вина», моделируется смысловая область, связанная с указанным языковым знаком в языковом сознании молодого носителя русского языка. На наш взгляд, именно «молодые

люди, родившиеся в эпоху после распада СССР и сформировавшиеся как личности в России XXI в., являются носителями новой системы ценностей, которая требует изучения и анализа» [2, с. 16]. Данной точки зрения придерживаются и создатели Русского ассоциативного словаря, отмечающие, что, изучая студенческую аудиторию, можно «прогнозировать развитие сознания тех русских, которые в ближайшие десятилетия будут определять языковую, духовную и материальную жизнь нашего общества» [3, с. 5].

Материал и методы

Общая методология исследования базируется на достижениях отечественной психолингвистики, в частности на теории сознания и его структуры А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Ф. Е. Василюка, В. Ф. Петренко, теории языкового сознания Е. Ф. Тарасова, А. А. Залевской, Н. В. Уфимцевой, Т. Н. Ушаковой, теории значения как достояние индивида (субъективной семантике) А. А. Залевской.

Проблема анализа языкового сознания остается актуальной для современной психолингвистики. Одним из самых разработанных методов для психолингвистического исследования является экспе-

римент. Экспериментальный подход широко освещен в работах отечественных ученых [4–10 и др.]. В качестве одного из самых надежных методов овнешнения языкового сознания исследователи указывают ассоциативный эксперимент – прием, «направленный на выявление ассоциаций, сложившихся у индивида в его предшествующем опыте» [11, с. 5–6].

А. А. Залевская предлагает трактовать ассоциативный эксперимент как «один из возможных инструментов исследования сложного и загадочного феномена – значения слова у пользующегося языком человека, адаптирующегося к естественному и социальному окружению через переработку вербального и невербального опыта познания и общения» [12, с. 214]. В. А. Пищальникова также отмечает, что ассоциативное поле, полученное в результате ассоциативного эксперимента, «рассматривается не только как фрагмент вербальной памяти человека, но и как фрагмент образа мира того или иного этноса, отраженного в сознании “усредненного” носителя той или иной культуры» [13, с. 160]. Таким образом, анализируя ассоциативное поле, можно делать выводы о комплексе тех или иных представлений, которые стоят за стимулом у носителя языка и в целом отражают определенный фрагмент образа мира русского человека.

Свободные ассоциативные эксперименты проводились в вузах города Омска в течение 2013–2015 гг. Участники – 309 студентов в возрасте от 17 до 25 лет, было получено 29 664 реакции. Повторные эксперименты с аналогичным стимульным списком проводились в тех же омских вузах в 2017–2018 гг. Участники – 317 студентов в возрасте от 17 до 24 лет. В ходе экспериментов было получено 30 432 реакции. По результатам исследования были составлены ассоциативные поля, которые затем были проанализированы и сопоставлены с полями, представленными в Русском ассоциативном словаре, эксперименты для которого проводились в 1988–1997 гг. Это позволило выявить изменения, произошедшие в языковом сознании молодого носителя русского языка за последние 30 лет.

Результаты и обсуждение

Для анализа исследуемой области обратимся к определению понятия «вина» в толковых словарях.

В Большом толковом словаре под ред. С. А. Кузнецова [14]:

ВИНА, -ы; мн. вины, вин; ж.

1. Проступок, провинность, преступление. Доказать, признать вину. Загладить вину. Искупить свою вину // Ответственность за такие действия. Не чувствовать за собой вины.

2. Причина, источник (чего-л. нежелательного, неблагоприятного). Всему виной твоя оплошность. <По вине кого-чего, в зн. предлога. Из-за кого-, че-

го-л., вследствие чего-л. Рейс задерживается по вине Аэрофлота.

Практически идентичное толкование дает Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова [15]:

ВИНА, -ы, мн. вины, вин, винам, ж.

1. Проступок, преступление. Признать свою вину. Загладить свою вину.

2. ед. Причина, источник чего-н. (неблагоприятного). В. (виной) аварии – небрежность. * По вине кого-чего, в знач. предлога с род.п. – из-за кого-чего-н., по причине чего-н. неблагоприятного. Не пришел по вине дождя.

Как видим, в толковых словарях лекема «вина» рассматривается как нарушение норм и законов, как понятие социально-нормативных отношений. О вине как о чувстве, то есть в психологическом аспекте, в данных словарях речи не идет.

Проанализируем ассоциативное поле «вина», представленное в Русском ассоциативном словаре.

ВИНА – моя (8), вино (5), не моя (5), нет (5), твоя (4), человека (4), глоток (2), горькая (2), доказана (2), его (2), налить (2), обида (2), проступок (2), суд (2), culpa, ароматные, безвинная, большая, бутылка, бы, водка, воин = вин, выпить, давящая, доказать, дорогие, жалко, живая, кого-то, коньяк, лежит, малая, мне вина!, наказание, напиток, не доказана, не доказуема, не пью, не твоя, небольшая, невиновность, незаглаженная, неприятное ощущение, неудобно, ничья, огромна, папина, перед родителями, плохо, погреб, подать, преступник, преступника, признать, прямая, разные, раскаяние, рюмка, своя, сильная, слезы, стакан, стыд, судить, товарища, тяжелая, тяжкая, укус, успеть, хоть залейся, хочу, что-то натворил, чья-то, шофера. Отказ (2).

Всего реакций – 109.

В ядре ассоциативного поля находятся реакции, связанные с отстранением от вины, нежеланием принимать ее: *не моя, твоя, человека*. Также представлены и единичные реакции, указывающие на принадлежность вины человеку: *его, кого-то, не твоя, товарища*. В целом число реакций «отказа от вины» составляет 21,1 %. Однако наиболее частотной оказывается все же реакция принятия вины на себя – *моя*, а также периферийная реакция *своя*. Реакции «принятия вины на себя» составляют 8,3 %.

Велико количество реакций, связанных не с исходным стимулом, а с его паронимом *вино*, они занимают второе место в ядре ассоциативного поля.

Что же касается отражения сферы социально-нормативных отношений, то она представлена единичными реакциями: *доказана, проступок, суд, наказание, преступник*. Число таких реакций сравнительно невелико – 11,9 %.

Рассмотрим результаты *ассоциативного эксперимента, проведенного в 2013–2015 гг.*

ВИНА – наказание (28), совесть (18), вино (11), стыд (11), боль (8), грех (7), преступление (7), грусть (6), чувство (6), обида (5), ошибка (5), проступок (5), раскаяние (4), груз (4), признание (4), сожаление (4), искупление (3), печаль (3), прощение (3), страх (3), боязнь (2), горечь (2), доказательство (2), ложь (2), мучение (2), нарушение (2), не моя (2), оправдание (2), осознание (2), ответственность (2), переживание (2), сильная (2), тюрьма (2), тяжесть (2), чья? (2), *in vino veritas*, беда, безнаказанность, безответственность, белые и красные, беспокойство, большая, в проступке, взять, виновен, виновник, виновник должен быть наказан, виноград, внутри, волнение перед наказанием, гиря с цепью, гложет, гнев, горе, горесть, горькая, грешник, доказательства, еще, жалость, заслуга, исчерпана, камень, котятки, кофе, красная, красное, кровавые руки, кровь, личность, моя, мучает, мучения, наказана, налей, не доказана, не наливайте, недоказанная, неудобство, обвинение, оплошность, осознанная, осознавать, осознать, оступок, осужденный, ответ, ошибки, перед кем-то, переживания, печально, подсудимый, позор, покорность, полная, полусладкие, понимание, поступок, потеря, правда, преступник, признание вины, прокурор, промах, Раскольников, расстройство, румянец, самобичевание, самоедство, своя, слабость, сладка, слеза, слезы, состояние души, справедливость, старость, суд, суть, терпение, топор, тупик, убить, угрызение, французские, хочу, цена, человек, человека, человечность, чувство неудовлетворения, чужая, чья-то, эмоции. Отказ (14).

Всего реакций – 307.

Самой частотной реакцией у реципиентов является *наказание* (9,1 % ассоциативного поля), что выражает причинно-следственную связь: будучи наказанным, человек ощущает вину либо является виновным в преступлении или проступке. Реакция *преступление* также находится в ядре поля. Возникает «триада» из взаимосвязанных и взаимообусловленных реакций: «преступление – вина – наказание». Безусловно, эти лексемы относятся к той области человеческих отношений, которая регулируется законом, и отражают нормативные категории, то, как общество реагирует на проступок индивида. К данной области относятся и другие реакции в ядре ассоциативного поля: *проступок, доказательство, нарушение, тюрьма* и периферийные *безнаказанность, в проступке, не доказана, оправдание, прокурор*. Число «правовых» реакций в ассоциативном поле составляет 21 %.

Вторую группу реакций составляют эмоционально-чувственные ассоциации, отражающие представление о вине как о чувстве, которое испыты-

тывает человек. Самая частотная из таких реакций – *совесть* (5,9 % поля) – является выражением нравственных критериев человека (совесть – причина переживания вины за содеянное). Кроме того, в эту же группу входят ядерные реакции *стыд, боль, грусть, обида, печаль, страх, горечь*. В ассоциативном поле число таких реакций составляет 25,7 %. Исходя из этого, для реципиентов важна морально-нравственная оценка стимула и тот комплекс разнообразных чувств, которые он вызывает. Все это говорит о глубоком эмоциональном переживании индивидом чувства вины. Количество таких реакций увеличилось с течением времени: в РАС они присутствовали в основном на периферии ассоциативного поля.

Кроме того, в АП находят отражение внутренние нравственные категории, которые выражают переживание вины человеком: *сожаление, осознание, переживание, раскаяние, мучение, самоедство*. Таких реакций 14 %. Стоит отметить, что для значительной части реципиентов вина – это именно внутреннее чувство, что подтверждается наличием общей реакции *чувство* в ядре ассоциативного поля.

В ряде реакций отражено желание абстрагироваться, отстраниться от вины: *не моя, чья? человека, чужая, чья-то*. Есть и противоположные единичные реакции: *моя, своя*. Подобные реакции в большом количестве присутствовали в РАС. В этом поле их гораздо меньше – 2,3 %.

В ядре поля содержится и реакция с морально-этической религиозной оценкой *грех*. Она также имеет причинно-следственную связь со словом-стимулом: совершив грех, человек испытывает чувство вины, грех подразумевает виновность человека в каком-либо проступке, осуждаемом религией. В поле есть также единичная реакция *грешник*. Эти реакции составляют 2,6 % ассоциативного поля. В РАС подобные реакции отсутствуют.

Частотной оказалась паронимическая ассоциация *вино*. Данная реакция может быть объяснена сходством звукобуквенного комплекса слов либо тем, что эксперимент проводился в письменном виде, поэтому реципиенты могли неправильно поставить ударение в слове-стимуле. Но, на наш взгляд, это маловероятно, поскольку остальные стимулы относились к сфере социально-нормативных отношений, было бы нелогичным наличие исключения в списке.

Также в ассоциативном поле отражено отношение к вине как к чему-то случайному, неправильно-му, вызванному, возможно, внешним фактором: *ошибка, оплошность, промах* (2,9 % поля).

Актуальна и сфера взаимоотношений между людьми, в которых фигурирует вина: *прощение, искупление, позор* (4,2 % поля).

Проанализируем полученные реакции по схеме В. А. Пищальниковой, в которой субъективная семантика предстает в виде модели концепта, включает тело знака, понятие, представление, предметное содержание, индивидуальные ассоциации, эмоцию и оценку. Понятие представляет собой «совокупность наиболее существенных признаков предмета, явления», под представлением понимаются «субъективные наглядно-чувственные картины действительности, зависящие от индивидуальных особенностей: опыта, возраста, научной подготовки и т. д.», предметное содержание «отражает вовлеченность предмета, явления в какой-либо вид деятельности», индивидуальные ассоциации – это единичные ассоциации, которые «представляют субъективный опыт индивида», эмоция и оценка «выражают определенные чувства индивида и положение предмета, явления для индивида на субъективной шкале «хорошо – плохо» [16, с. 97].

Получены следующие результаты: понятие – 7,8 %, представление – 37,5 %, предметное содержание – 5,5 %, эмоция и оценка – 27,7 %, индивидуальные ассоциации – 21,5%.

Самыми частотными являются реакции-представления, которые развертывают стимул в каком-либо контексте и таким образом отражают представления о нем. В данную категорию были отнесены реакции типа *наказание, совесть, доказательство, прощение* и др.

Также в ассоциативном поле присутствует большое количество эмоционально окрашенных и оценочных реакций, которые отсылают к сфере чувств. Чаще всего эти чувства являются отрицательными и связаны с неприятными переживаниями (*боль, стыд, мучение, горечь*).

Индивидуальные ассоциации стали частотными, поскольку в данную категорию были отнесены паронимические реакции.

Понятия характеризуют вину как *чувство, преступление* или *проступок*.

Реакции предметного содержания называют в основном субъектов, испытывающих вину или каким-то образом связанных с данным феноменом (*личность, осужденный, подсудимый*), а также непосредственно предметы и объекты вещественного мира, связанные с виной и преступлением (*тюрьма, топор, слезы*). Их в ассоциативном поле меньше всего.

Таким образом, заметны изменения, произошедшие в сознании людей за последнее время. Важную роль для молодого носителя русского языка начинает играть представление о вине как о понятии из области права.

При этом необходимо подчеркнуть, что смысловая область «вина» связана не только со сферой социально-нормативных отношений, но и с эмоцио-

нально-чувственной областью. Значимым для реципиентов становится психологический фактор, переживание вины как определенного чувства, вызывающего негативные эмоции. Участники эксперимента рефлексиируют, анализируют свои чувства и чувства других людей при переживании вины. Напомним, что толковые словари подобное восприятие вины не отражают, а для участников нашего эксперимента оно является более важным, чем правовое.

Перейдем к анализу результатов *ассоциативного эксперимента 2017–2018 гг.*

ВИНА – совесть (42), чувство (16), стыд (14), наказание (13), поступок (11), раскаяние (11), боль (8), вино (7), ошибка (7), человек (7), преступление (6), обман (5), страх (5), тяжесть (5), груз (4), доказана (4), обида (4), ответственность (4), признание (4), прощение (4), сожаление (4), горечь (3), грусть (3), нарушение (3), оправдание (3), преступник (3), приговор (3), слабость (3), бокал (3), осознание (3), извинение (3), виновник (2), горе (2), доказательство (2), истина (2), отчаяние (2), причина (2), проступок (2), слезы (2), страдание (2), суд (2), *in vino veritas*, бутылка, в каждом, в преступлении, взгляд, внутри, волнение, грузины, действие, депрессия, достоинство, душевное терзание, жалость, за что-то, завод, зря, игристые, каждый, кара, каяться, коряга, красного, личное, ложь, мн. число вино, можно, молодость, муки, мученье, налей, налейте, не доказана, невнимательность, неискупима, непризнание, новый, ноша, обязательство, огорчение, осознанность, осуждение, относительно, печаль, пить, поверхностная, повинование, понимание, последствие, презрение, прокол, разочарование, разъедает, расплата, розовое, самогрызение, самоопределение, сердце, сила, сильная, следствие, собака, собственная, совиньон блан, сознание, субъект, терзания, тревога, угрызение, угрызания, угнетение, удар, хлеб, чувство хорошее, я. Отказ (6).

Всего реакций – 317.

Обнаруживаются изменения ассоциативного поля, затрагивающие его состав и количество отдельных реакций. Так, со значительным отрывом на первом месте стоит реакция *совесть* (13,2 %), которая по сравнению с экспериментом 2013–2015 гг. стала появляться среди ассоциаций в 2,3 раза чаще.

В первой тройке реакций находятся именно те ассоциации, которые связаны с эмоционально-чувственной сферой: более частотными стали реакции *чувство* (выросла в 2,7 раза) и *стыд* (в 1,3 раза). Кроме того, число подобных реакций в ядре поля увеличилось, а их состав стал в целом более разнообразным: это *раскаяние, боль, страх, обида, сожаление, горечь, грусть, отчаяние, страдание* в ядре, *волнение, депрессия, душевное терзание, му-*

ченье, разъедает, самогрызение на периферии. В целом реакции чувственной сферы составляют 34,7 %, переживания вины человеком – 14,8 %.

Реакции, связанные с правовой областью, также присутствуют в ядре ассоциативного поля: *наказание, преступление, доказана, нарушение, преступник, приговор, оправдание, проступок*. При этом число реакций *наказание* по сравнению с 2013–2015 гг. значительно снизилось (с 9,1 до 4,1 %), число остальных подобных реакций, напротив, увеличилось или осталось почти без изменений. В целом эти реакции составляют 14,5 % ассоциативного поля. По сравнению с 2013–2015 гг. их число снизилось на 6,5 % и на первый план вышло переживание вины как чувства. Это можно объяснить формированием определенной семантической тенденции, свидетельствующей о перестройке данного сегмента языкового сознания молодых носителей русского языка.

Не исчезла из ядра ассоциативного поля и паронимическая реакция *вино*, связанные с ней ассоциации присутствуют на периферии.

А вот реакция *грех*, которая была достаточно частотной в 2013–2015 гг., не просто не присутствует в ядре ассоциативного поля 2017–2018 гг., а вовсе пропала из него. Это может свидетельствовать о снижении значимости для молодого носителя русского языка вины как религиозного концепта, большее значение приобретают общие представления о вине как о чувстве или как о факте какого-либо проступка.

Кроме того, в ядре ассоциативного поля 2017–2018 гг. появляется реакция, называющая субъекта вины, – *человек* (2,2 %). В поле, составленном по результатам эксперимента 2013–2015 гг., данная реакция была единичной. Это говорит о важности определения принадлежности вины: это чувство связано с личностью, которая его испытывает, и определяется именно ею. Среди других субъектных реакций в ядре поля можно назвать *преступника* и *виновника*, на периферии есть реакция *я*. Реакции «отказа от вины» встречаются лишь на периферии поля – *не доказана, непризнание*. Они составляют 0,6 % поля.

Перейдем к анализу смысловой области по модели В. А. Пищальниковой. Были получены следующие результаты: понятие – 13,6 %, представление – 48,6 %, предметное содержание – 6 %, эмоция и оценка – 25,6 %, индивидуальные ассоциации – 6,2 %.

По-прежнему самыми частотными остаются реакции, отражающие представление о вине и ее проявлениях. В эксперименте 2017–2018 гг. их число увеличилось почти на 11 %, что демонстрируют разнообразные контексты, в которые реципиенты вписывают данный стимул и в которых наблю-

дают его проявления. Чаще всего вина проявляется как чувство, являющееся проявлением *совести* или *ответственности*, влечет за собой *раскаяние*, а если она *доказана* – *наказание*.

Несколько снизилось число эмоциональных и оценочных реакций, однако они до сих пор остаются частотными. Участники эксперимента оценивают вину в основном как негативное чувство, связывают ее с такими эмоциями, как *стыд, боль, страх, горечь, сожаление*, и называют ее *ношей, грузом* и *тяжестью*.

При этом почти в 2 раза увеличилось число понятийных реакций. Это связано с возросшим числом характеристик вины как *чувства*.

Почти без изменений осталось число предметных реакций (*человек, преступник, собака, сердце*), в 3,5 раза снизилось число индивидуальных ассоциаций.

Как видим, даже в течение небольшого времени произошли заметные изменения в составе и структуре ассоциативного поля, причем как в его ядре, так и на периферии, что также подтверждает тенденцию семантического сдвига. Для реципиентов все большую значимость приобретает определение вины как внутреннего чувства человека, непосредственно связанного с совестью. Важной становится саморефлексия по поводу эмоций, которые приносит вина, причин ее возникновения и последствий. При этом изменяется восприятие вины: она ощущается как нечто личное, теряет значение тенденция отказа от вины, которая ярко проявлялась в поле РАС. Социально-нормативная сфера также отражена в ассоциативном поле, но занимает в нем менее значимое место, нежели эмоциональная сфера.

Заключение

По результатам проведенного анализа можно сделать следующие выводы:

1. Смысловая область «вина» в языковом сознании молодого носителя русского языка связана со сферой социально-нормативных отношений: понимается как конкретный проступок или преступление, вину за которые необходимо доказать и за которыми последует наказание.

2. С другой стороны, вина напрямую связана с психологической сферой. Реципиенты понимают ее как внутреннее чувство личности, неприятное и тяжелое, которое вызывает множество переживаний: мучает, терзает, печалит и при этом является следствием какого-либо поступка, который сам человек оценивает как неправильный относительно собственных моральных ориентиров. Также, возможно, этот поступок порицается обществом.

3. Феномен вины напрямую связан с совестью как с моральным регулятором для человека, чувст-

вом нравственной ответственности за поступки. Можно сказать, что вина является скорее благородным и достойным чувством, потому что наличие совести, совестливость в социуме считаются ценными качествами, а ее отсутствие, наоборот, характеризуется негативно (ср. определение из словаря Ушакова: Бессовестный – нечестный, безнравственный, беззастенчивый, наглый). В течение определенного времени связь вины с совестью укрепляется.

4. Таким образом, вина – амбивалентный феномен: с одной стороны, это очень неприятное и мучительное чувство, с другой стороны, его наличие важно для человека с морально-этической точки зрения.

5. Высока доля оценочных реакций при восприятии стимула «вина», здесь ярко проявляется личностное начало и личный опыт участников эксперимента: вина – чувство, знакомое каждому, поэтому реципиенты опираются на свои ощущения и воспоминания о переживаниях данного чувства.

6. Для реципиентов важны разнообразные проявления вины и контексты, представляющие данную смысловую область: в эксперименте 2017–2018 гг. подобные реакции составляют почти половину ассоциативного поля. Этот факт говорит о

явно выраженном равнодушии к феномену и большом опыте, связанном с его переживанием и оценкой, причем не только для конкретной личности, но и для социума.

7. Сравнивая результаты ассоциативного эксперимента с данными, представленными в Русском ассоциативном словаре, можно сделать вывод о повышении уровня правовой культуры современного молодого человека и о значительных изменениях в восприятии анализируемого стимула. Число социально-нормативных реакций в 2013–2015 гг. возрастает, участники нашего эксперимента определяют вину разнообразнее, включая правовой контекст. По сравнению с 2013–2015 гг., в 2017–2018 гг. число реакций, относящихся к социально-нормативной сфере, снижается и составляет 14,5 %, что говорит о большей значимости психологического аспекта в понимании вины как чувства.

8. При этом характеристика вины с психологической точки зрения не зафиксирована в толковых словарях, что говорит о существенной неполноте лексикографических статей и расхождении словарного толкования понятия с его реальным содержанием в языковом сознании носителя русского языка.

Список литературы

1. Тарасов Е. Ф. Проблема анализа содержания общечеловеческих ценностей // Вопросы психолингвистики. 2012. № 1 (15). С. 8–17.
2. Комнатная С. Р. Репрезентация концепта «закон» как части области социально-нормативных отношений в языковом сознании молодого носителя русского языка // Вестник Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2019. Вып. 5 (202). С. 16–23.
3. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова и др. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (дата обращения: 06.12.2020).
4. Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: сб. ст. / отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 24–33.
5. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. Харьков; Москва: РА-Каравелла, 2001. 320 с.
6. Залевская А. А. Языковое сознание: вопросы теории // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 30–34.
7. Пищальникова В. А., Лукашевич Е. В. Основания динамической теории значения: когнитивный аспект // Когнитивная семантика: эволюционно-прогностический аспект. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2002. С. 3–20.
8. Стернин И. А. Психолингвистика и концептология // Вопросы психолингвистики. 2007. № 1 (5). С. 33–38.
9. Уфимцева Н. В. Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Институт языкознания РАН, 2011. 252 с.
10. Бутакова Л. О. Материалы к ассоциативно-семантическому словарю жителей города Омска. Омск: Вариант-Омск, 2012. 128 с.
11. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 5–16.
12. Залевская А. А. Что мы исследуем в ходе ассоциативного эксперимента // Язык в пространстве речевых культур: К 80-летию В. Е. Гольдина / Отв. ред. О. Ю. Крючкова, Л. П. Крысин. Москва-Саратов: Амирит, 2015. С. 211–216.
13. Пищальникова В. А. Исследование вербальных ассоциативных отношений в современной психолингвистике // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание: сб. ст. М.: ИНИОН РАН, 2008. С. 159–170.
14. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. 2014. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 5.12.2020).
15. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 2007. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 5.12.2020).
16. Лукашевич Е. В. Принципы моделирования концепта // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 7 / под ред. В. А. Пищальниковой. М.: МГЭИ, 2004. С. 96–101.

Комнатная Светлана Руслановна, аспирант, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (пр. Мира, 55а, Омск, Россия, 644077).
E-mail: svetlana_komn@mail.ru

Материал поступил в редакцию 09.12.2020.

DOI 10.23951/1609-624X-2021-3-25-32

SUBJECTIVE SEMANTICS OF THE “GUILT” LEXEME AS A PART OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF THE YOUNG RUSSIAN NATIVE SPEAKER

S. R. Komnatnaya

Omsk Dostoevsky State University, Omsk, Russian Federation

Introduction. This article reconstructs the subjective semantics of the “guilt” lexeme based on the results of associative experiments with young Russian native speakers.

Aim and objectives. The aim of this research is to find out what components of meanings are associated with a given lexeme in the language consciousness of a modern young person and which of these components are prevalent.

Material and methods. In order to achieve this goal, free associative experiments were conducted among the student audience. The results of these experiments were compared with the data of the Russian Associative Dictionary, which made it possible to trace the changes in the language consciousness over the past few decades in dynamics.

Results and discussion. In explanatory dictionaries, guilt is defined solely as a fact of misconduct, crime, or the cause of something unfavorable. However, the analysis of the associative fields obtained as a result of free associative experiments indicates a discrepancy between the lexicographic interpretation of guilt and the complex of meanings that is reflected in the language consciousness of a young Russian native speaker. Much more significant for the recipients is the psychological aspect of the studied semantic area: they define guilt, first of all, as an individual’s feeling, directly related to his conscience and causing a whole range of negative emotions. In addition, guilt is associated with the sphere of social and legal relations, that is the sphere that is regulated by law or other legal norms.

Conclusion. Compared to 1980–1990 there have been significant changes in the language consciousness of young Russian native speakers. The number of legal responses to the “guilt” incentive has increased, which may indicate an increase in the level of legal literacy. However, the most significant for the recipients were the emotional and sensory characteristics of guilt, as well as the contexts in which this semantic area enters: both in relations between people and in the moral and moral self-assessment of the individual.

Keywords: *Language consciousness, associative experiment, associative field, social and legal relations, guilt.*

Reference

1. Tarasov Ye. F. Problema analiza sodержaniya obshchechelovecheskikh tsennostey [The problem of analyzing the content of universal values]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2012, no. 1 (15), pp. 8–17 (in Russian).
3. Komnatnaya S. R. Reprеzentatsiya kontsepta «zakon» kak chasti oblasti sotsial’no-normativnykh otnosheniy v yazykovom soznanii molodogo nositelya russkogo yazyka [Representation of the concept of “law” as part of the field of social and legal relations in the language consciousness of the young Russian native speaker]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2019, vol. 5 (202), pp. 16–23 (in Russian)
3. *Russkiy assotsiativnyy slovar’* [Russian Associative Dictionary]. Redaktor Yu. N. Karaulov et al. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/index.php> (accessed 6 December 20).
4. Tarasov Ye. F. Aktual’nye problemy analiza yazykovogo soznaniya [Actual Problems of Language Consciousness Analysis]. *Yazykovoye soznaniye i obraz mira* [Language Consciousness and Picture of the World]. Moscow, 2000. Pp. 24–33 (in Russian)
5. Goroshko Ye. I. *Integrativnaya model’ svobodnogo assotsiativnogo ehksperimenta* [Integrative model of free associative experiment]. Kharkiv, Moscow, RA-Karavella Publ., 2001. 320 p. (in Russian)
6. Zalevskaya A. A. Yazykovoye soznaniye: voprosy teorii [Language consciousness: theory issues]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2003, no. 1, pp. 30–34 (in Russian).
7. Pishchal’nikova V. A., Lukashevich E. V. Osnovaniya dinamicheskoy teorii znacheniya: kognitivnyy aspet [Foundations of the dynamic theory of meaning: the cognitive aspect]. *Kognitivnaya semantika: evolyutsionno-prognosticheskiy aspekt* [Cognitive semantics: an evolutionary prognostic aspect]. Barnaul, Altai State University Publ., 2002. Pp. 3–20 (in Russian).
8. Sternin I. A. Psikholingvistika i kontseptologiya [Psycholinguistics and conceptology]. *Voprosy psikholingvistiki – Journal of Psycholinguistics*, 2007, no. 1 (5), pp. 33–38 (in Russian).
9. Ufimtseva N. V. *Yazykovoye soznaniye: dinamika i variativnost’* [Cognitive semantics: an evolutionary prognostic aspect]. Moscow, Institut yazykoznaniya RAN Publ., 2011. 252 p. (in Russian).

10. Butakova L. O. *Materialy k associativno-semanticeskomu slovaryu zhiteley goroda Omska* [Materials to the Associative-Semantic Dictionary of the Omsk' Inhabitants]. Omsk, Variant-Omsk Publ., 2012. 128 p. (in Russian).
11. Leont'ev A. A. Obshchiye svedeniya ob assotsiatsiyakh i assotsiativnykh normakh [General information on associations and associative norms]. *Slovar' associativnykh norm russkogo yazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Moscow, Moscow University Publ., 1977. Pp. 5–16 (in Russian).
12. Zalevskaya A. A. Chto my issleduyem v khode assotsiativnogo eksperimenta [What we research in the associative experiment]. *Yazyk v prostranstve rechevykh kul'tur: K 80-letiyu V. E. Gol'dina*. Otv. red. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin [Language in the space of speech cultures: To the 80th anniversary of V. E. Goldin. Ed. O. Yu. Kryuchkova, L. P. Krysin]. Moscow-Saratov, Amirit Publ., 2015. Pp. 211–216 (in Russian).
13. Pishchal'nikova V. A. Issledovaniye verbal'nykh assotsiativnykh otnosheniy v sovremennoy psikholingvistike [The study of verbal associative relationships in modern psycholinguistics]. *Ferdinand de Sossyur i sovremennoye gumanitarnoye znaniye: sbornik statey* [Ferdinand de Saussure and modern humanitarian knowledge: collection of articles]. Moscow, INION RAS Publ., 2008. Pp. 159–170 (in Russian).
14. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka*. Pod redaktsiyey S. A. Kuznetsova [Big explanatory dictionary of the Russian language. Ed. by S. A. Kuznetsov]. 2014 (in Russian). URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (accessed 5 December 20).
15. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 2007 (in Russian). URL: <https://slovarozhegova.ru> (accessed 5 December 20).
16. Lukashevich E. V. Printsipy modelirovaniya kontsepta [Concept modeling principles]. *Yazykovoye bytiye cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty. Vypusk 7*. Pod redaktsiyey V. A. Pishchal'nikovoy [Linguistic being of a person and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects. Issue 7. Ed. V. A. Pishchalnikova]. Moscow, MGJeI Publ., 2004. Pp. 96–101 (in Russian).

Komnatnaya S. R., postgraduate student, Omsk Dostoevsky State University (pr. Mira, 55a, Omsk, Russian Federation, 644077).

E-mail: svetlana_komn@mail.ru